

И. М. Савельева

Культурная история на дисциплинарном пограничье¹

Аннотация: в статье анализируются объекты, концепции и методы культурной истории – современной исторической субдисциплины, представленной в разных национальных историографических традициях. В связи с пограничным характером объекта (социальные институты, социальные сети, повседневное взаимодействие, детство, культурная память, телесность и т. д.) проблематизируется феномен междисциплинарного взаимодействия применительно к исторической науке, ставится вопрос об институциональных границах дисциплин.

Ключевые слова: история, культура, *cultural history*, *neue Kulturgeschichte*, *histoire culturelle*, теория, научный метод, междисциплинарность, междисциплинарный объект, институциональные границы науки, аксиоматическое ядро.

В последние десятилетия прошлого века появилось довольно много исторических субдисциплин, объединяющих в своем наименовании два слова: культура и история: *cultural history* – *neue Kulturgeschichte* – *histoire culturelle* – культурная история. Этот ряд не ограничивается только тремя национальными школами – он ими основоположен. В России культурная история представлена известными работами Михаила Бойцова, Елены Вишленковой, Марины Могильнер, Ольги Тогоевой и др. В итальянской историографии есть *storia culturale* (Алессандро Арканджели), в испанской – *historia cultural* развивают Хоан-Пау Рубьес, Алберто Мира, Алварес Буса, Стефан Пол-Валеро. В данной статье речь пойдет о направлениях культурной истории, ее объектах, концепциях и методах.

Конечно, интерес к перекрестку культуры и истории – явление в науке не новое. С XVIII в. существует *Kulturgeschichte* – история духовной культуры во времени и пространстве, с такими центральными понятиями как язык, религия, искусство, наука, *дух народа*. Понятие отсылает нас к XVIII в., немецкому романтизму, Иоганну Готфриду Гердеру, а в XX в. – к таким фигурам философии культуры как Арнольд Тойнби и Освальд Шпенглер. Но *Kulturgeschichte* – не историографическое направление, она скорее представляет философию культуры, чем историю, и не связана с модусом проявления междисциплинарности в современной исторической науке.

Культурная история предполагает разговор, прежде всего, о проблематике междисциплинарно-

сти, ибо, как я покажу, эти исследования опираются на культурную антропологию, семиотику, *cultural studies*, визуальные исследования, социологию чтения, используют теории различных гуманитарных и социальных наук. Уже сами названия, наличествующие в разных языках, показывают, что сегодня проблема культуры и историческая «оптика» ее изучения существуют в целом ряде национальных историографий. Коротко остановлюсь на основополагающих.

Термин *cultural history* мы четко прослеживаем в английской и американской историографиях с 1970-х гг. Как на отца-основателя *cultural history* иногда ссылаются на Я. Буркхардта, однако родоначальником этого направления в его современном виде справедливо считать Э. П. Томпсона, написавшего пионерское исследование, в котором история рабочего класса Англии была увидена через формирование рабочей культуры как субстрата социальной идентичности. В интерпретации Томпсона, именно рабочая культура сделала пролетариат классом, отличным от других слоев общества и позволила ему осознать свою инаковость.

Общее направление в конструировании прошлого с позиций *cultural history* можно охарактеризовать как стремление к замене социальной истории культуры культурной историей общества. Как и многие новые субдисциплинарные направления, *cultural history* использовала идеи и теории разных социальных и гуманитарных наук². Раньше и пре-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в гуманитарных и социальных науках», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

² Arcangeli A. *Cultural History: A Concise Introduction*. London: Routledge, 2011; Burke P. *Varieties of Cultural History*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1997; Idem. *What is Cultural History?* Cambridge: Polity Press, 2004; Ginzburg C. *Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1989; Maor E. *To Infinity and beyond: a Cultural History*

жде всего, это были подходы, наработанные в современной ей культурной антропологии. Следуя по стопам антрополога К. Гирца, историки пытались применить метод «насыщенного описания» (позаимствованный Гирцем у философа Г. Райла)³ для культурной интерпретации социального опыта разных общественных групп прошлых эпох. Важной методологической опорой этих исследований стал и символический интеракционизм. Новый подход позволил включить в сферу культурной истории сюжеты, традиционно из них исключенные — право, политику войны, экономику и т. д. При изучении политических и правовых сюжетов в центре в этом случае всегда оказывается «культурно-историческая» перспектива: процессы коммуникации, мир ритуалов и церемоний как посредников политической воли и идеологических влияний, политическая семиотика, «образцы культуры», символически-экспрессивные аспекты человеческого поведения, игровые практики и фигуры речи. Исследования по *cultural history* дали инструменты и для изучения достаточно новых областей исторического — таких как повседневное взаимодействие, микровласть, культурная память, полиидентичность, телесность и т. д.

В России направление *Neue Kulturgeschichte* известно намного хуже в силу англо- и франкоцентрированности наших историографических штудий, но оно полностью лежит в русле современной (как новой социальной, так и культурной) истории⁴. Развиваясь в рамках новой социальной истории 1960–1980-х гг. и оппонируя ей⁵, *neue Kulturgeschichte* противопоставила социальной, политической, хозяйственной, военной истории, интерпретируемой в терминах структур и процессов, исследование культурной составляющей прошлого и роли людей как агентов перемен, происходящих в обществе. Так же как и в *cultural history* в качестве аналитических были задействованы такие феномены как коллективные представления, символика, ритуалы прошлого, метафорика пропаганды и пр.⁶, что позволило создать принципиально новые интерпретации, в том числе социального и политического: от средневекового

политического символизма до политической культуры Веймарской республики и Третьего рейха⁷.

Во Франции к *cultural history* очень близка *histoire culturelle*, хотя, надо сказать, что *histoire culturelle*, как и *neue Kulturgeschichte*, — явление более позднее, чем *cultural history*. Если *cultural history* очень сильно была завязана на культурную антропологию, то эти направления теоретически уже более разнообразные.

О приходе *histoire culturelle* во французскую историческую науку довольно оперативно и, на мой взгляд, точно написал Ю. Л. Бессмертный, предложивший перевод «культуральная история», чтобы отличить ее от *cultural history*⁸. Главное, на что он указал, объясняя специфику направления, — это падение престижа исторической антропологии во Франции, отразившееся в практике большинства исторических институтов и журналов (важное исключение составляла группа по изучению исторической антропологии в Парижской школе высших социальных исследований, возглавлявшаяся Ж. Ле Гоффом и Ж.-К. Шмитом). Одним из результатов разочарования и стало появление *histoire culturelle* (Р. Шартье, П. Ори, М. Озуф, Ф. Пуарье)⁹.

Итак, мы получили ряд: *cultural history* — *neue Kulturgeschichte* — *histoire culturelle*. Как и все школы и течения в современной историографии, «культуральная история» в каждой традиции включает очень разные подходы и темы. Ф. Пуарье в проекте по созданию сравнительной *культурной истории* подчеркивает, что она пленяет разнообразием исследований, проведенных за те 20 лет, которые отделяют нас от статей ее основателей — П. Ори или Р. Шартье¹⁰, но ее контуры все так же расплывчаты, ее объекты всегда трудноопределимы¹¹.

Что же объединяет эти три направления? Во-первых, все они характеризуются содержательной целостностью, почти точным языковым соответствием и единством времени. Во-вторых, в национальных школах они существуют одновременно и являются новыми. В-третьих, все они сложились внутри исторической науки, а не за ее пределами. В-четвертых, общим для них в широком смысле является не объект, а метод исследования — «культурная интерпретация», т. е. рассмотрение любых объектов

of the Infinite. Boston: Birkhäuser, 1987; Melching W., Velema W. Main Trends in Cultural History: Ten Essays. Amsterdam: Rodopi, 1994; Poster M. Cultural History and Postmodernity: Disciplinary Readings and Challenges. N. Y.: Columbia University Press, 1997.

³ Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

⁴ Tschopp S. S., Weber W. E. J. Grundfragen der Kulturgeschichte. Darmstadt: WBG, 2007; Wehler H.-U. Die Herausforderung der Kulturgeschichte. München: C. H. Beck, 1998.

⁵ Deile L. Die Sozialgeschichte entlässt ihre Kinder. Ein Orientierungsversuch in der Debatte um Kulturgeschichte. // Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 87, 2005. S. 1–25.

⁶ Lutz R. Geschichtswissenschaft der Extreme. Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart. München: C. H. Beck, 2003. S. 233, 228.

⁷ Stollberg-Rilinger B. Was heißt Kulturgeschichte des Politischen? (Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 35). Duncker & Humblot, Berlin, 2005.

⁸ Rubin M. The work of Jacques Le Goff and the challenges of medieval history. London: Queen Mary, University of London, 1997.

⁹ Poirrier P. Les enjeux de l'histoire culturelle. Paris, Seuil, 2004; Ory P. L'histoire culturelle. Paris: PUF, 2007.

¹⁰ Ory P. L'histoire culturelle de la France contemporaine: question et questionnements // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. Vol. 16 (1987). P. 67–82; Chartier R. Le monde comme représentation // Annales E.S.C. 1989. № 6. P. 1505–1520.

¹¹ Poirrier Ph. L'histoire culturelle: un «tournant mondial» dans l'historiographie? Postface de Roger Chartier. Dijon: Éditions Universitaires de Dijon, 2008.

через призму культуры (символов и практик)¹². Напротив, объектом может быть что угодно: политика, социальные институты, социальные сети, экономика и т. д.

Далее мы будем анализировать эти направления, именуя их «культурной историей». Основания для этого не только переводческие. В России культурная история, заимствованная у западной историографии, очень быстро обрела размах и репутацию.

Кратко поясню, что имеется в виду. История политики, которая традиционно складывалась как история политических движений, политических решений, реформ, революций, в культурной истории рассматривается через призму культуры. Так же — и история идей. На перекрестке этих подходов возникает принципиально иное знание и о политике, и о циркуляции идей и их роли в политическом процессе. Можно сослаться на известную работу Р. Шартье «Культурные истоки французской революции», в которой он противопоставляет свой метод исследования подходу Д. Морнэ, который опубликовал в 1933 г. знаменитую и великолепную работу «Интеллектуальные истоки французской революции»¹³. Шартье в своем исследовании следует за Хабермасом и изучает, как во французском обществе формировалась сфера публичной политики, институт общественного мнения. Он анализирует не идеи, впоследствии объединенные и названные Просвещением, которые якобы привели к революции, а процесс распространения этих идей в народе. Он смотрит, что обычные люди читали, изучает культуру чтения. Надо сказать, что книжная культура, которой активно занимается культурная история, очень интересное направление, которое как раз позволило изучить, насколько Западная Европа была читающей уже с XVII в. Недавно мы со студентами говорили о том, почему чтение Библии привело к английской революции, и я у них спросила: «А как вы думаете, какова была доля грамотного населения в Англии в середине XVII в.?» Так вот, примерно 70 % — в городах! В деревне — около 20 %. «При этом нужно иметь в виду, что эта статистика учитывает умение людей ПИСАТЬ — навык, который, как правило, формируется после получения навыка чтения. Сельский человек вполне мог ограничиваться только чтением, так как его образование просто не доходило до получения навыков письма и счета. Сельские слои имели возможность в массе своей посещать одно-

годовую грамматическую школу и иногда покупать 2–3-пенсовые памфлеты или Библию за 3 шиллинга 4 пенса. Это означает, что уровень грамотности сельского населения (если учитывать только способность худо-бедно читать) был выше 20 %».¹⁴ Как и предписано было протестантам, каждый читал Библию и каждый имел право ее трактовать и обсуждать.

Примером удачного использования методов культурной истории являются исследования ученых из российских университетов, которые отказались от функционалистского видения истории учебной институции и обратились к анализу неформальных практик самоуправления, сценариев жизни сообщества, дискурсов самоописания и культуре воспоминания. В результате применения такой «оптики» история университетов в России перестала быть историей механического заимствования западной модели образования или историей противостояния группы прогрессивных интеллектуалов бюрократическому механизму империи. Университетская жизнь предстала динамичной областью, в которой заключаются и перезакключаются конвенции относительно того, какие знания нужны российским подданным и какие — государству, каким должно быть качество научного исследования, по каким критериям оценивать успех учебной работы, кому и чему служит учебное сообщество¹⁵.

Теперь, обрисовав облик культурной истории, перехожу ко второй части поставленной проблемы: «дисциплинарные границы или дисциплинарное пограничье».

В дискуссиях о междисциплинарности в общественных науках, которые активно ведутся с 1970-х гг., сформировался милитаристский набор

¹⁴ На этот фактор указывала в своей работе, посвященной сельскому населению, М. Спаффорд (*Spufford M. Contrasting Communities English villagers in the XVI-XVII cc. Cambridge: Cambridge University Press, 1974*). См. также: *Bennett H. S. English books & Readers 1558–1603. Being a Study in the History of the Book Trade in the Reign of Elizabeth I. Cambridge: Cambridge University Press, 1965*. За эти сведения хочу поблагодарить Кирилла Левинсона.

¹⁵ Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия. [Т. 1] / Под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 1997; Университет для России. Т. 2: Московский университет в Александровскую эпоху / Под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 2001; *Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский государственный университет, 2005; Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / Под ред. Е. В. Олесюка. М.: Союз, 2005; Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XIX в. М.: РОССПЭН, 2009; *Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012*.*

¹² *New Dictionary of the History of Ideas / Horowitz M. C. (Editor-in-Chief). N. Y.: Charles Scribner's Sons, 2005; Conrad Ch., Kessel M. Kultur & Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung. Stuttgart: Reclam, 1998; Daniel U. Kompendium Kulturgeschichte. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006; Eichhorn M. Kulturgeschichte der Kulturgeschichten: Typologie einer Literaturgattung. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002; Maurer M. Kulturgeschichte. Eine Einführung. Köln: Böhlau, 2008.*

¹³ *Mornet D. Les origines intellectuelles de la Révolution française 1715–1787. Paris: Colin, 1967 [1933].*

метафор, которыми описываются междисциплинарные взаимодействия: рвы, границы, захваты, набег, присвоения – действия, которые те или иные дисциплины совершают, покушаясь на территорию других, либо с целью там что-то позаимствовать и «унести», либо, наоборот, с целью объединиться или сделать кого-то своим «вассалом». Я предлагаю выйти за пределы метафоры, что мы, собственно, всегда и делаем, когда на практике осуществляем междисциплинарное исследование и обдумываем, какой метод анализа, какая теория, какая концепция эвристически наиболее эффективны.

Взаимопроникновение и взаимообогащение социальных наук – так называемая междисциплинарность – явление в принципе характерное для XX в., и обусловлено оно результатами идущего с XIX в. процесса с обратным знаком – дисциплинаризации, размежевания социальных наук, их выделения в самостоятельные области знания. История, социология, политические науки, антропология, география, экономика в своем современном виде, т. е. как отдельные научные дисциплины, возникли в последние десятилетия XIX – начале XX в. До этого времени интеллектуальный багаж социального знания находился в общем распоряжении: перемещение от Ч. Дарвина к Г. Спенсеру или Дж. Миду и пользование их концепциями не осмысливалось как междисциплинарность. Когда основоположник позитивизма О. Конт назвал социологию «историей, в которой нет имен индивидов и даже имен народов», историки не видели в нем чужака и взяли на себя решение предписанной им задачи – «открытие фактов о жизни человека»¹⁶.

Только в начале XX в. академические дисциплины, оснащенные собственными факультетами, кафедрами, учебными программами, системами оценивания действительно превратились в отдельные универсумы¹⁷. Как пишет американский историк У. Сьюэлл, «академические дисциплины совершенно преобразили благодатную интеллектуальную панораму конца XVIII – начала XIX в. Оправдывая свое название, они разработали мощный дисциплинирующий механизм контроля и ограничений. Обладая монополией на сертификацию и контролем над учебными планами, наймом, штатным расписанием и распределением финансов, они обезопасили себя с помощью четкой проведенных границ»¹⁸.

Речь идет не только об институциональных границах и механизмах администрирования и кон-

троля. Параллельно происходило размежевание и в когнитивной сфере: формировались собственные правила построения дисциплинарных дискурсов, теории, методы, кластеры ключевых понятий. Только тогда, когда дисциплины отчетливо обособились, могла возникнуть потребность в диалоге, а проблема междисциплинарности как проблема методологическая вообще возникла лишь во 2-й половине XX в.

Междисциплинарные взаимодействия применительно к истории имеют явно выраженную специфику. В последние полвека историки практически не производят собственных «больших исторических» теорий. Некоторые примеры важных исключений, появившихся, впрочем, уже довольно давно: «церемониалистское» направление в историографии Э. Канторовича (1957); теория трех уровней социальных изменений Ф. Броделя (1958); семантика исторического времени Р. Козеллека (1979), теория детства Ф. Арьеса (1960); из относительно недавних – «изобретение традиций» Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера (1983); «долгое Средневековье» Ж. Ле Гоффа (1985). В основном же историки, создавая крупные концептуальные работы, решали проблему тематического и аналитического обновления, обращаясь к теориям иных социальных и гуманитарных наук (позднее этот процесс получил название «стратегия присвоения»)¹⁹.

Что происходит, когда создается междисциплинарное направление или проводится конкретное исследование, я постараюсь показать на примере такого направления как история детства.

Несмотря на то, что дети всегда присутствовали в человеческом обществе, детство – относительно недавний феномен изучения в общественных науках. (Хотя со времен сократических диалогов мыслители стремились развивать систему взглядов на ребенка в соответствии с социальными и культурными характеристиками общества.) Надо сказать, что определенное пренебрежение науки к теме детства до середины XX в. объясняется не только маргинальностью самого института детства, но и методологическими трудностями, связанными со скудостью материалов для исследования. Из всех социальных групп прошлого и настоящего дети наиболее «бессловесные»: они почти не оставляют документальных свидетельств и не имеют собственных «элит», артикулирующих их потребности и интересы.

Возможно, в силу нехватки письменных свидетельств, именно психологи во 2-й половине XIX в., опиравшиеся на наблюдения и эксперимент, проложили дорогу научным штудиям в области детства. В начале XX в. к психологам присоединяются этнографы, а вслед за ними, уже во 2-й половине XX в., –

¹⁶ Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. М.: Наука, 1980 [1946]. С. 123–124.

¹⁷ Abbott A. Chaos of Disciplines. Chicago: University of Chicago Press, 2001; Lepenis W. Gefährliche Wahlverwandtschaften. Essays zur Wissenschaftsgeschichte, 1989; Novick P. That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

¹⁸ Sewell Jr., W. H. Logics and History: Social Theory and Social Transformation. Chicago: University of Chicago Press. 2005. P. 2.

¹⁹ Савельева И. М., Полетаев А. В. «Там, за поворотом...»: о мифе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 73–101.

социологи. Развитие теоретической социологии (теория социализации, теория коммуникации, введение оппозиции «Я – Другой», разработки в области социологии пространства и др.) создало сильную концептуальную базу для исследований детства.

Социология детства объясняет, что детство — это социальный институт, который отличен от института взрослых, социальные отношения детей имеют самостоятельное значение, независимо от того значения, какое им придают взрослые; дети — не пассивные объекты манипулирования, но активные социальные субъекты, конструирующие социальный мир вокруг себя; у детей есть свое собственное пространство и собственное время. Часто такие теории экспериментально очень хорошо обоснованы.

В какой-то момент историки (которые, конечно, знают, что в разные периоды и у разных народов детство должно быть разным) обращают внимание на ювенологические концепции и начинают изучать историю детства, опираясь на доступные исторические источники, но используя теории, позаимствованные у других дисциплин. Хорошо они ими овладевают или плохо — это другой вопрос. Это зависит и от выбора теории (далеко не все они применимы к обществу прошлого), и от компетентности исследователя.

Что при этом происходит с методом? Ведь историк обычно не может использовать те методы, которые применяют социологи, или психологи, или антропологи — психометрическое тестирование, социометрический мониторинг, этнографические описания, углубленные интервью и долгосрочные наблюдения. Историк работает с текстами и визуальными материалами прошлого, значит, к «чужой» теории прилагается другая аналитическая система, которая собственно и отличает историю как научную дисциплину. Здесь многое определяется выбором объекта и источниковой базой. Не всегда он приводит к позитивным результатам. Но определенно можно сказать, что история культуры детства сегодня представлена многочисленными и очень яркими исследованиями²⁰.

С психоисторией детства такого не произошло, хотя вначале это направление, быстро возвы-

сившееся благодаря таланту Э. Эриксона²¹, казалось многообещающим. Вскоре, однако, стала ясна ограниченность возможностей психоанализа исторической личности для исторической науки. Прежде всего, выявилось важное теоретическое препятствие: безусловная трудность использования методов Фрейда по отношению к умершим — психоанализ документов, а не людей. Кроме того, возникла и эмпирическая преграда: психоанализ во фрейдистском духе основывается на изучении детства пациента, а такие материалы у историка, как правило, отсутствуют²². Психоистория уже в работах Эриксона заметно ушла от Фрейда в том отношении, что Фрейда интересовало главным образом детство, а Эриксона в его героях занимали, прежде всего, поиски более зрелой идентичности, духовные кризисы, которые они переживали во взрослом возрасте.

Но главное — устарела сама теория Фрейда. Основанное им направление интенсивно развивалось в XX в., и в итоге сформировалось множество новых, достаточно разнообразных и во многом конкурирующих концепций «глубинной психологии» — неофрейдизм (Э. Фромм, А. Кардинер), аналитическая психология (К. Юнг), индивидуальная психология (А. Адлер), экзистенциальный анализ (Л. Бисвангер) и т. д. Историки были, чаще всего, или не знакомы с ними или плохо их различали.

Поэтому вопрос о взаимоотношении теории и метода при выборе междисциплинарных объектов и формировании междисциплинарных областей очень важен. Успех или неуспех зависит не только от адекватности теории, но и от применимости выбранных методов к материалу, с которым работает заимствующая их наука, в данном случае — история.

Конечно, мы не должны забывать о том, что в поле гуманитарного и социального знания присутствует группа «странствующих» теорий, идей, концепций. Чем теория менее строгая, тем более популярной и успешной она может быть, потому что это, собственно, не теория, а идея. Такова, например, одна из бахтинских идей (*vague theories*) — идея карнавала: каждый может попытаться показать, что смеховая культура — это способ изучить социальные роли, социальные стратификации и т. д.

Недавно социолог В. Вахштайн на примере более формализованных наук (экономики, социологии и психологии) попытался показать, что при успешном вторжении «чужой» концепции, происходит разрушение аксиоматического ядра «дисциплины-жертвы». В каждой дисциплине есть аксиомы, которые не требуют доказательств, на определенный период време-

²⁰ Начало этим исследованиям положила книга французского историка Филиппа Арьеса. См.: Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999. История детской культуры очень обширна, поэтому сошлемся на некоторые информативные историографические обзоры по истории детства: Morel M.-F. Reflections on some Recent French Literature on the History of Childhood // *Continuity and Change*. 4 (2). 1989. P. 323—337; Niestroj B. H. E. Some Recent German Literature on Socialization and Childhood in Past Times // *Ibid*. P. 339—357; Stargart, Nicholas. German Childhoods: the Making of a Historiography // *German History*. 16 (1). 1998. P. 1—15. Безрогов В. Г., Кошелева О. Е. Детство и дети: начальная библиография // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. № 8 (2/2008). С. 37—61.

²¹ Эриксон Э. Г. Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование / Пер. с англ. М.: Медиум, 1995 [1958].

²² В то же время психоанализ оказал большое влияние не только на развитие жанра исторической биографии, но и на процедуры критики некоторых источников — дневников, писем (например, стал учитываться факт психологической потребности автора в фантазиях).

ни полагаются бесспорными. Скажем, в экономической теории в аксиоматическом ядре лежит идея о рациональном человеке и целерациональном действии. Аксиомой истории является положение, что по действиям людей можно судить о психических актах или, что исторический источник отражает исторические реалии. Точно так же ранкеанское предписание, что историк должен показывать, «как это было на самом деле», долго было именно аксиомой. Я не уверена, что догадка Вахшгайна достаточно фундирована, но если она верна, то надо признать, что историки, несмотря на трудность и проблематичность заимствований, совершают их очень удачно для своей науки, «не поступаясь принципами», то есть аксиоматикой. Зато какой история стала разнообразной, сколько объектов попало в поле зрения историков, как по-разному они работают с источниками, как о многом источниках стали историкам говорить.

И, наконец, несмотря на бум междисциплинарных исследований, совершенно преобразивший историческую науку, стоит обратить внимание на необыкновенную устойчивость дисциплин. Исто-

рики уже полвека присваивают, социологи больше века совершают интервенции, но посмотрите на структуру университетов, состав редколлегий журналов, состав секций на научных конгрессах – бастионы дисциплин по-прежнему крепки (прошу прощения за милитаристскую же метафору). С точки зрения представлений о новой междисциплинарности (new interdisciplinarity)²³, науки сегодня имеют устойчивое дисциплинарное ядро, прежде всего в когнитивном смысле (методологические ресурсы, язык и универсум вопросов). Каждая дисциплина для своего представителя служит «верительной грамотой», удостоверяя его принадлежность к определенной науке, его профессию, квалификацию и т. д. Большинство ученых не испытывают сложностей с самоидентификацией по дисциплине, на каких бы междисциплинарных рубежах, пограничных и территориях они не работали.

²³ Marcovich A., Shinn T. Where is Disciplinarity Going? Meeting on the Borderland. *Studies of Science and Technology // Social Science Information*. Vol. 50(3–4) Pp. 582–606. P. 589.

Список литературы:

1. «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XIX в. М.: РОССПЭН, 2009.
2. Вишленкова Е. А., Галиуллина Р. Х., Ильина К. А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
3. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография М.: Наука, 1980 [1946].
5. Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006.
6. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / Под ред. Е. В. Олесеюка. М.: Союз, 2005.
7. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Там, за поворотом...»: о модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 73–101.
8. Университет для России / Под ред. В.В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. Т. 1–2. М.: Русское слово, 1997, 2001.
9. Abbott A. *Chaos of Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
10. Arcangeli A. *Cultural History: A Concise Introduction*. London: Routledge, 2011.
11. Burke P. *Varieties of Cultural History*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1997.
12. Burke P. *What is Cultural History?* Cambridge: Polity Press; 2004.
13. Conrad Ch., Kessel M. *Kultur & Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung*. Stuttgart: Reclam, 1998.
14. Eichhorn M. *Kulturgeschichte der Kulturgeschichten: Typologie einer Literaturgattung*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002.
15. Erbe M. *Die Erfindung der Antike. Das Altertum und der Aufbruch in die Neuzeit*. Berlin: wjs Verlag, 2005.
16. Ginzburg C. *Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press; 1989.
17. Lepenis W. *Gefährliche Wahlverwandtschaften. Essays zur Wissenschaftsgeschichte*, 1989.
18. Maor E. *To Infinity and beyond: a Cultural History of the Infinite*. Boston: Birkhäuser, 1987.
19. Maurer M. *Kulturgeschichte. Eine Einführung*. Köln: Böhlau, 2008.
20. Melching W., Velema W. *Main Trends in Cultural History: Ten Essays*. Amsterdam: Rodopi, 1994.
21. Mornet D. *Les origines intellectuelles de la Révolution française 1715–1787*. Paris: Colin, 1967 [1933].
22. *New Dictionary of the History of Ideas / Horowitz M. C. (Editor-in-Chief)*. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 2005.

23. Novick P. *That Noble Dream: The 'Objectivity Question' and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
24. Ory P. *L'histoire culturelle*. Paris: PUF, 2007.
25. Poirrier Ph. *L'histoire culturelle: un «tournant mondial» dans l'historiographie?* Dijon: Éditions Universitaires de Dijon, 2008.
26. Poirrier Ph. *Les enjeux de l'histoire culturelle*. Paris, Seuil, 2004.
27. Poster M. *Cultural History and Postmodernity: Disciplinary Readings and Challenges*. N. Y.: Columbia University Press. 1997.
28. Rubin M. *The work of Jacques Le Goff and the challenges of medieval history*. London: Queen Mary, University of London, 1997.
29. Sewell Jr, W. H. *Logics and History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
30. Tschopp S. S., Weber W. E. J. *Grundfragen der Kulturgeschichte*. Darmstadt: WBG, 2007.
31. Wehler H.-U. *Die Herausforderung der Kulturgeschichte*. München: C. H. Beck, 1998.

References (transliteration):

1. Abbott A. *Chaos of Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
2. Arcangeli A. *Cultural History: A Concise Introduction*. London: Routledge, 2011.
3. Burke P. *Varieties of Cultural History*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1997.
4. Burke P. *What is Cultural History?* Cambridge: Polity Press; 2004.
5. «Byt' russkim po dukhu i evropeytssem po obrazovaniyu»: Universitety Rossiyskoy imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy XVIII – nachala XIX v. M.: ROSSPEN, 2009.
6. Conrad Ch., Kessel M. *Kultur & Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung*. Stuttgart: Reclam, 1998.
7. Eichhorn M. *Kulturgeschichte der Kulturgeschichten: Typologie einer Literaturgattung*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002.
8. Erbe M. *Die Erfindung der Antike. Das Altertum und der Aufbruch in die Neuzeit*. Berlin: wjs Verlag, 2005.
9. Ginzburg C. *Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press; 1989.
10. Girts K. *Interpretatsiya kul'tur / Per. s angl. M.: ROSSPEN, 2004.*
11. Kollingvud R. *Ideya istorii. Avtobiografiya / Per. s angl. M.: Nauka, 1980 [1946].*
12. Kulakova I. P. *Universitetskoe prostranstvo i ego obitateli: Moskovskiy universitet v istoriko-kul'turnoy srede XVIII veka. M.: Novyy khronograf, 2006.*
13. Lepenis W. *Gefährliche Wahlverwandtschaften. Essays zur Wissenschaftsgeschichte, 1989.*
14. Maor E. *To Infinity and beyond: a Cultural History of the Infinite*. Boston: Birkhäuser, 1987.
15. Maurer M. *Kulturgeschichte. Eine Einführung*. Köln: Böhlau, 2008.
16. Melching W., Velema W. *Main Trends in Cultural History: Ten Essays*. Amsterdam: Rodopi, 1994.
17. Mornet D. *Les origines intellectuelles de la Révolution française 1715–1787*. Paris: Colin, 1967 [1933].
18. *New Dictionary of the History of Ideas / Horowitz M. C. (Editor-in-Chief)*. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 2005.
19. Novick P. *That Noble Dream: The 'Objectivity Question' and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
20. Ory P. *L'histoire culturelle*. Paris: PUF, 2007.
21. *Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoy kul'tury / Pod red. E. V. Olesyuka. M.: Soyuz, 2005.*
22. Poirrier Ph. *L'histoire culturelle: un «tournant mondial» dans l'historiographie?* Dijon: Éditions Universitaires de Dijon, 2008.
23. Poirrier Ph. *Les enjeux de l'histoire culturelle*. Paris, Seuil, 2004.
24. Poster M. *Cultural History and Postmodernity: Disciplinary Readings and Challenges*. N. Y.: Columbia University Press. 1997.
25. Rubin M. *The work of Jacques Le Goff and the challenges of medieval history*. London: Queen Mary, University of London, 1997.
26. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. «Tam, za povоротom...»: o moduse sosushchestvovaniya istorii s drugimi sotsial'nymi i gumanitarnymi naukami // *Novyy obraz istoricheskoy nauki v vek globalizatsii i informatizatsii / Pod red. L. P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2005, S. 73–101.*
27. Sewell Jr, W. H. *Logics and History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
28. Tschopp S. S., Weber W. E. J. *Grundfragen der Kulturgeschichte*. Darmstadt: WBG, 2007.
29. *Universitet dlya Rossii / Pod red. V. V. Ponomarevoy i L. B. Khoroshilovoy. T. 1–2/ M.: Russkoe slovo, 1997, 2001.*
30. Vishlenkova E. A., Galiullina R. Kh., Il'ina K. A. *Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
31. Wehler H.-U. *Die Herausforderung der Kulturgeschichte*. München: C. H. Beck, 1998.